

Последнее испытание

Си Цинхао сверлил взглядом строчку на экране, пока тот окончательно не погас. Но даже тогда он не сразу пришёл в себя. Когда до него наконец дошло, что это не галлюцинация и Ван Юнь действительно прислала ему такое сообщение, его захлестнула волна слепой ярости.

[Си Цинхао: Что это значит? Ты готова разорвать со мной отношения ради какого-то чужака?]

«Почему? — бесновался он про себя. — Ван Юнь — мой агент, „золотой“ менеджер, которого брат с таким трудом нашёл для меня. Последние два года она вкладывала в меня все силы, но стоило мне попросить её об одной услуге — уничтожить Нин Чанцина, — как она решила от меня отказаться?»

«Почему всё всегда сводится к Нин Чанцину? Что в нём такого особенного?»

«Даже мать... Она ведь раньше и не видела его, а при первой же встрече сама подошла заговорить. Прежде такое казалось невозможным»

Тем временем Ван Юнь сидела в больничной палате, в тишине изучая сообщение в WeChat. Она почти физически ощущала бессильную злобу Си Цинхао, сочившуюся сквозь каждое слово.

Незадолго до этого, когда второй молодой господин пытался подкупить её акциями предприятия «Сиюнь», требуя задействовать все её связи для травли Нин Чанцина, она получила сообщение и от Хун Синьхао. Два уведомления пришли почти одновременно, и оба касались одного и того же человека.

Один требовал его уничтожить. Второй же прямо сообщил, что этот «обычный парень», которого наследник семьи Си так жаждал растоптать, — спаситель её отца.

Если бы не Нин Чанцин, её единственного близкого человека могло не стать ещё несколько дней назад.

Ван Юнь помнила юношу. С того самого момента, как он впервые появился на экране и стремительно взлетел в топы поисковых запросов, он был у неё на слуху. За годы работы агент видела немало ярких дебютантов, и хотя внешность парня была ошеломляющей, она сохраняла профессиональное спокойствие. К тому же из-за болезни отца последние дни женщина проводила исключительно у его кровати.

Узнав, что именно этот молодой человек спас жизнь её родителю, и столкнувшись с ядовитой ненавистью Си Цинхао, она потратила время не на ответ, а на изучение событий последних

дней.

Всё было предельно ясно: Си Цинхао ослеплён ревностью. Но юноша, опираясь лишь на собственный талант, буквально раздавил оппонента, заставив того выглядеть жалким ковёрным клоуном.

Женщина никогда не опускалась до грязных методов, а уж идти против своего благодетеля не стала бы и подавно. Её решение было окончательным. Впрочем, истинную причину своего ухода она раскрывать не собиралась, чтобы не спровоцировать подопечного на ещё более отчаянную атаку против Нин Чанцина.

[Ван Юнь: Второй молодой господин, вы ошибаетесь. Моё решение никак не связано с другими людьми. Мой отец серьёзно болен, и, видя хрупкость человеческой жизни здесь, в больнице, я поняла, что не хочу потом жалеть о времени, которое не провела с близкими. У меня больше нет амбиций и бывшего рвения, и я боюсь, что моё равнодушие навредит вашей карьере. Я попрошу компанию подобрать вам нового, опытного агента, так что можете не беспокоиться]

Си Цинхао в ярости уставился в телефон. Рассудок подсказывал ему, что Ван Юнь не может быть знакома с Нин Чанцином и вряд ли стала бы действовать назло ради незнакомца. Но гнев пересиливал логику. Ему казалось, что весь мир ополчился против него, и даже его собственный агент решила нанести удар в спину.

Прямой эфир продолжался. Юноша убрал телефон и поднял глаза. Мать спустилась со сцены, но не вернулась в зал, а замерла внизу, явно поджидая Чанцина.

Когда тот, подписав бумаги и получив сертификат, проходил мимо неё, Линь Юнь снова тихо окликнула его:

— Я искренне хочу поблагодарить вас, господин Нин. Вы ведь работаете вместе с моим Сяо Хао, может, пообедаем все вместе?

Шаги Нин Чанцина замедлились. Он обернулся, глядя в мягкое, доброе лицо женщины. Он не понимал, почему она всё ещё его помнит. Возможно, время действия его «особого влияния» в этот раз растянулось. Или её глубокая признательность за спасение врезала его образ в память слишком крепко. Но как бы то ни было, рано или поздно она его забудет.

Для него Си были чужаками. Между ними не было и не могло быть никакой связи.

— Госпожа Си, боюсь, вы заблуждаетесь, — негромко проговорил он. Его голос звучал ровно и отстранённо. — Мы с вашим сыном хоть и коллеги, но наши отношения далеки от идеала. Более того, ваш сын испытывает ко мне глубокую неприязнь, а я не питаю к нему ни малейшей симпатии.

Линь Юнь замерла, ошеломлённая. Она надеялась, что общее дело поможет им сблизиться, но всё оказалось гораздо сложнее.

— Я... я не знала... — растерянно пробормотала она.

— Я не желаю иметь с семьёй Си ничего общего, — вздохнул Нин Чанцин. — Забудьте о том, что произошло сегодня.

Он коротко кивнул ей и, не задерживаясь ни на секунду, прошёл мимо, быстро исчезая из виду.

Мать Си смотрела ему вслед. Этот молодой человек был безупречно вежлив, даже когда говорил о ненависти её сына, его тон оставался спокойным, будто речь шла не о нём самом. Но в груди женщины вдруг разлилась странная, щемящая горечь. Нахлынувшая печаль была настолько сильной, что на мгновение Линь Юнь потеряла связь с реальностью.

Си Цинхао, увидев, что мать снова заговорила с его врагом, уже спешил к ней. Он по-хозяйски обнял её за плечи:

— Мама, о чём ты говорила с учителем... Нином? Вы знакомы?

Линь Юнь вспомнила предупреждение Чанцина и проглотила готовые сорваться слова о спасении. Она лишь покачала головой:

— Я помню, что первый приз вашего шоу — этот благотворительный лот. Он ведь победитель, так? Я просто поздравила коллегу своего сына.

Си Цинхао облегчённо выдохнул. Он решил, что мать просто проявила вежливость к его напарнику по шоу. Бросив пару ничего не значащих фраз, он увёл её к их местам.

Официальная часть закончилась, и запись шестого этапа подошла к концу. Шестеро участников в последний раз поприветствовали зрителей, и трансляция прервалась.

Как только камеры погасли, Си Цинхао, опасаясь новой встречи матери с Нин Чанцином, поспешно увёл её и Си Жуя из выставочного центра. Лишь оказавшись в машине, он окончательно расслабился.

Осталось только одно, последнее испытание. После завтрашнего дня он сделает всё, чтобы Нин Чанцин больше никогда не появился на публике.

Ван Юнь отказалась помогать? Что ж, она правда думала, что сможет просто остаться в стороне?

Поскольку было уже поздно, Си Цинхао сначала отвёз старшего брата и Линь Юнь в отель. Вернувшись к себе, он немедленно позвонил главе агентства, используя имя Си Жуя как рычаг давления.

Директор компании, закончив разговор, в глубоком раздумье набрал номер Ван Юнь:

— Что у тебя там происходит? Как ты умудрилась так разозлить второго молодого господина Си? Говорят, какой-то новичок нагло его притесняет? Это же просто выскочка без связей. Дай команду пиарщикам, пусть накопают на него грязи, и через пару дней он исчезнет с радаров. Это же элементарно.

Женщина была готова к этому, но не ожидала, что Си Цинхао будет действовать так быстро.

— Да, это несложно, — спокойно ответила она.

— Вот и славно! — директор просиял. — Ты ведь у нас ветеран компании, к чему эти...

— Чуть позже я пришлю заявление об увольнении, — сухо перебила его агент. — С завтрашнего дня я больше не работаю. Мои подопечные уже крепко стоят на ногах, проблем с передачей дел не возникнет.

Лицо директора вытянулось:

— Ты что, с ума сошла? Из-за капризов мальчишки бросаешь карьеру? Ну, погорячился он, ну, бывает... Но он же брат самого Си Жуя! Ты столько лет в индустрии, зачем тебе это?

— Считайте это платой за годы моей верной службы компании. Просто отпустите меня.

Ван Юнь понимала: пока она в штате, связи директора с семьёй Си заставят её вечно пересекаться с Си Цинхао. А пока этот наследник идёт против господина Нин Чанцина, она не сможет находиться с ним в одном пространстве.

— Не боишься, что Си тебе отомстит? — нахмурился директор.

Ван Юнь лишь усмехнулась:

— Знаете, шеф, за столько лет в этом гадюшнике я научилась не бояться таких, как он.

Директор сокрушённо вздохнул, понимая, что теряет ценного сотрудника:

— Твоё место останется за тобой. Сходи в отпуск, отдохни, подумай ещё раз...

Ван Юнь повесила трубку и без малейших колебаний отправила официальное письмо об уходе.

Тем временем распорядитель аукциона, едва закончились торги, бросился искать Нин Чанцина, но обнаружил, что вся съёмочная группа уже уехала. В панике он набрал его номер. Юноша ответил спокойно. Он велел распорядителю подойти к автоматическим камерам хранения и продиктовал шестизначный код, добавив в конце номер своего банковского счёта.

Мужчина застыл, глядя на экран телефона.

«Не может быть... Неужели господин Нин просто оставил сокровища стоимостью в десятки миллионов в обычном ящике для хранения?»

Добравсь до места и введя код, он открыл дверцу. Внутри, в самом обычном пакете, лежали четыре мощных корня дикого женьшеня, чей живительный аромат мгновенно заполнил всё пространство.

Он повидал в жизни немало смельчаков, но такая беспечность граничила с безумием. Кем был этот Нин Чанцин, если мог вот так запросто доверить ему — почти незнакомцу — такие ценности? Неужели он не боялся, что его обманут?

Старейшина Тянь тоже не заставил себя ждать. Распорядитель бережно упаковал один корень и, как и договаривались, передал его мастеру. Остальные три он укрыв в сейфе аукционного дома. По протоколу их ещё предстояло проверить в лаборатории, но интуиция подсказывала мужчине: каждый миллиметр этих корней — истинная драгоценность.

Нин Чанцин вернулся в отель только к десяти вечера. Включив телефон, он увидел сообщение от Хун Синьхао.

[Щедрость до небес: Босс, тот господин Ван, которому ты помог на приёме, пришёл в себя. Его дочь вышла на меня и начала расспрашивать, кто ты такой. Ну, я и сказал... Босс, не сердись! Я просто подумал, что тебе в будущем это пригодится. Его дочь — крутой агент с огромным стажем. Если кто-то из завистников решит тебе подгадить, её опыт будет не лишним. А завидовать тебе будут многие, хе-хе]

Чанцин кратко ответил, что принял информацию. Он не считал это проблемой — вряд ли их пути пересекутся снова. После душа, вытирая волосы, он услышал новый сигнал. На этот раз писал Линь Хэн.

[Линь Хэн: Господин Нин, Цзян Чао хотел обсудить с вами мазь от шрамов. У вас найдётся время в ближайшие дни?]

[Нин Чанцин: Время есть. Завтра после съёмок я могу заехать. Господин Цзян всё ещё в особняке Линь?]

[Линь Хэн: Да. Заехать за вами завтра вечером?]

Чанцин ответил согласием. Это был отличный повод заодно начать планомерное лечение самого Линь Хэна. Его внутренние органы были в плачевном состоянии, и для полного восстановления требовался долгий курс терапии. Теперь, когда он нашёл его в этой жизни, он не допустит его ранней смерти. Нин Чанцин быстро заснул.

Тем временем в особняке Линь Хэн убрал телефон и направился в комнату Цзян Чао. Племянник всё ещё был прикован к постели. Его уже тайно обследовали лучшие врачи. Несмотря на три года комы, благодаря безупречному уходу он лишь сильно исхудал, и теперь ему требовалась только реабилитация.

Врачи, видевшие его пробуждение, были потрясены и пытались разузнать подробности, но Линь Хэн пресёк любые расспросы. Ему было неважно, верят они в чудеса или нет. Из соображений безопасности о выздоровлении Цзян Чао не сообщили даже другим членам семьи Цзян.

Несмотря на измождённый вид, Цзян Чао был в добром здравии. Увидев дядю, он слабо улыбнулся:

— Дядя.

Линь Хэн подошёл к кровати и коротко кивнул:

— Отдыхай и не забивай голову лишним.

Цзян Чао послушно прикрыл глаза. Хоть они были почти ровесниками, непреклонный авторитет главы семьи Линь заставлял его чувствовать глубокое почтение. Узнав от дворецкого Лю о событиях последних трёх лет — о том, как семья Цзян была готова поставить на нём крест, и как именно Линь Хэн защитил его, — он преисполнился благодарности.

— Дядя, есть новости от того господина Нина, который меня спас? Я очень хочу увидеть его и поблагодарить лично.

Цзян Чао плохо помнил момент своего пробуждения, но знал, что его спаситель ушёл, не взяв ни копейки. Будучи успешным актёром с солидным состоянием, он хотел вознаградить юношу по достоинству.

— Завтра господин Нин приедет к нам, — ответил Линь Хэн. — И ещё... он сказал, что может приготовить мазь, которая уберёт шрамы на твоём теле и шее. Правда, это будет стоить

недешево.

Для актёра, планирующего вернуться на экраны, глубокий шрам на шее был серьёзным препятствием. К тому же Линь Хэн знал, что Нин Чанцин сейчас сам участвует в шоу... возможно, он тоже выбрал путь актёра? При этой мысли Линь Хэн бросил на племянника долгий, нечитаемый взгляд.

Цзян Чао замер. Если этот господин смог вытащить его из комы, то его лекарства наверняка творят чудеса.

— Дядя? Цена не проблема. Если господин Нин настолько искусен, его работа должна стоить дорого. Заодно и обсудим оплату за моё спасение.

— Хорошо, — Линь Хэн кивнул. — И помни: семья Линь всегда платит по долгам.

— К чему ты это? — удивился тот. — Я и так собирался...

— Ты — признанный киноимператор, — перебил его дядя. — А господин Нин — новичок, который делает первые шаги.

Цзян Чао замолчал, осознав намёк.

— ...Понял, дядя. Мир шоу-бизнеса жесток к новичкам. Когда я вернусь в строй, я позабочусь о господине Нине.

«Дядя, с каких это пор ты так печёшься о посторонних? — подумал он. — Неужели за три года моей спячки произошло что-то, о чём я не знаю?»

Линь Хэн одарил его одобряющим взглядом и вышел. Имея за спиной поддержку такого веса, юноша пройдёт свой путь гораздо легче. В конце концов, Линь Хэн считал своим долгом обеспечить ему спокойную жизнь.

Едва закрыв дверь, он столкнулся со старым господином Линем, который явно собирался проскользнуть мимо на своей инвалидной коляске. Старик неловко кашлянул:

— А, ты ещё не спишь? Я вот... хотел проведать нашего Цзян-Цзян. Как он там? И что сказал господин Нин?

Линь Хэн не стал уличать его в шпионаже.

— Он приедет завтра вечером.

Старейшина Линь подъехал ближе:

— А... твоя болезнь? — он боялся упоминать об этом, ведь сын всегда злился, когда заходила речь о его здоровье.

Цзян Чао очнулся — это было чудо. И сотворили его всего две иглы господина Нина! Этот юноша был не просто врачом, а истинным мастером. Если бы он согласился осмотреть его младшего сына, возможно, тот прожил бы гораздо дольше...

Линь Хэн вздохнул, взял коляску за ручки и покатил отца в его спальню:

— Господин Нин согласился заняться моим лечением. Я дал своё согласие.

Старик Линь радостно обернулся:

— Правда?

Убедившись, что сын не шутит, он шмыгнул носом:

— Хорошо... очень хорошо. Наконец-то ты взялся за ум. У господина Нина великий талант. Когда он придёт завтра, мы должны принять его со всеми почестями. Цзян-Цзян наверняка захочет заплатить сам, но мы тоже не можем остаться в стороне.

— Завтра у господина Нина последний съёмочный день, — заметил Линь Хэн. — Деньги в качестве подарка он вряд ли примет. Я уже подготовил кое-что к окончанию его проекта.

Старик не смог сдержать улыбки: «Надо же, этот упрямец наконец-то проявил к кому-то внимание».

— Вот и славно. Раз ты позаботишься о нём вместо Цзян-Цзян, я спокоен.

Линь Хэн промолчал. При чём тут племянник? Его подарок был только от него самого.

На следующее утро Нин Чанцин ровно в семь прибыл к месту сбора. Режиссёр, глядя на своих подопечных, невольно расчувствовался. Рейтинги «Звука и образа» взлетели до небес, и он очень хотел пригласить участников — особенно Нин Чанцина и Линь Шицзэ — на следующий сезон. Но он не решался.

Он понимал, что после интриг Дуань Хао учитель Нин наверняка поставил на их шоу жирный

крест. Тем не менее режиссёр надеялся уговорить их после финала. Поэтому сегодня он был особенно любезен с Чанцином. С Линь Шицзэ было сложнее — актёр такого уровня вряд ли бы задержался здесь, если бы не личный интерес. Более того, именно благодаря связям Линь Шицзэ финал обещал быть грандиозным.

Чтобы угодить звёздам, режиссёр лично распределил их по машинам: Нин Чанцин, Линь Шицзэ и Сун Тин ехали вместе, а Цзи Юйцзин, Дуань Хао и Си Цинхао — в другом автомобиле.

Дуань Хао был в ярости — компания Си Цинхао его больше не прельщала. Но спорить на глазах у Чанцина он не рискнул. Его репутация и так была подмочена, и теперь ему оставалось только ждать финала, чтобы начать новую осаду сердца юноши.

Поскольку финальное испытание было особенным, камеры в машинах пока не включали. Голос режиссёра зазвучал из динамиков:

— Кхм, дорогие участники. Сегодня — наш финальный аккорд. Мы провели вместе немало времени, и мне, признаться, жаль расставаться с вами. Но всё хорошее когда-нибудь заканчивается.

— Седьмой этап будет необычным. И, честно говоря, возможность провести его нам подарил господин Линь.

Сун Тин удивлённо посмотрел на Линь Шицзэ. Тот лишь неопределённо махнул рукой в сторону динамика.

На самом деле Шицзэ поначалу хотел отказаться от предложения своего агента, но, подумав, согласился. Агент же переживал: несмотря на талант Линь Шицзэ, Нин Чанцин буквально раздавил его в общем зачёте. Если «Маленький киноимператор» закончит шоу с такими низкими баллами, это может ударить по его будущим контрактам.

Поэтому агент задействовал все связи и выбил для финала прослушивание в новый масштабный проект режиссёра Сюя. Поскольку этап был связан с актёрским мастерством, профессионалы получали явное преимущество. Это был шанс для Шицзэ отыгаться, хотя первое место всё равно гарантированно оставалось за Чанцином.

Впрочем, выгоду получали все. Цзи Юйцзин, мечтавшая вернуться в кино, не могла и желать лучшего шанса. Режиссёр Сюй был признанным мэтром, и даже само участие в его прослушивании было мощным инфоповодом. Для актрисы её уровня это была дверь в новую жизнь.

Режиссёр шоу продолжил:

— Мы отправляемся на съёмочную площадку нового фильма мастера Сюя. Мы договорились,

что вы войдёте туда как обычные претенденты. Каждый вытянет жребий с номером и пройдёт прослушивание на общих основаниях. Жюри выставит вам баллы, которые мы конвертируем в очки нашего шоу в пропорции десять к одному.

Система Сюя была стобалльной, так что десять очков в зачёт шоу — вполне справедливо. Нин Чанцин воспринял новость спокойно. Он понимал мотивы компании Шицзэ. Ему же самому сейчас были нужны деньги и очки популярности, чтобы покупать редкие травы в Системе. Вчерашние четыре корня женьшеня обошлись ему в два миллиона — он потратил почти всё, что успел заработать.

Никто не возражал. Даже Си Цинхао понимал, насколько влиятелен Линь Шицзэ, раз смог уговорить сурового Сюя выделить шесть мест для участников и разрешить съёмку. Его подозрения о том, что Линь Шицзэ — из семьи Линь, только окрепли. Наконец, камеры включились.

Чат мгновенно запестрел сообщениями:

[А-а-а! Наконец-то снова вижу Нин-бао и брата Линя! Кажется, прошла целая вечность!]

[Вау, куда это мы едем? Выглядит довольно глухо.]

[Вау, куда это они? Выглядит довольно отдаленно]

[Режиссёр, колись, что за финал?!]

— Скоро сами всё увидите, — загадочно ответил голос за кадром.

Когда машины остановились у ворот огромной загородной виллы, зрители замерли. Камера приблизилась к табличке на воротах...

[ЧТО?! Режиссёр, ты крут! Я не сплю? Это же кастинг?!]

[О боже! «Гробница императора смутных времён»! Это же новый проект Сюя! Неужели отбор уже начался?!]

[Невероятно! Как они туда попали? Они что, будут судьями? Но кроме Шицзэ и Цзи Юйцзин никто из них не смыслит в актёрстве!]

[Да какими судьями, вы что! К Сюю даже звёзды первой величины на поклон ходят! Небось, массовку играть будут]

[Бюджет двести миллионов юаней... Это же главный проект года!]

Нин Чанцин при упоминании названия фильма нахмурился. В первой жизни он погиб вскоре после этих событий, но из книги помнил, что судьба этого проекта была плачевной. В книге Си Цинхао получил там крошечную роль, но фильм так и не вышел на экраны. Сначала разразился скандал с главным героем, потом замена актёра, несчастный случай на площадке... В итоге проект разорил режиссёра Сюя до нитки.

Перед входом распорядитель съёмок пояснил правила:

— Наше прослушивание начнётся чуть позже. Вы смешаетесь с остальными претендентами — сегодня их пятьдесят человек. Тяните жребий и ждите своей очереди. Но поскольку вы здесь по особой договорённости, роли для вас уже подобраны индивидуально, исходя из ваших данных. Камеры вашего шоу могут зайти внутрь только на время вашего выступления. Других актёров снимать строго запрещено.

Возражений не последовало. Для Цзи Юйцзин подготовили роль четвёртого женского плана. Линь Шицзэ получил роль третьего мужского плана — достойный уровень для «Маленького киноимператора».

— Для остальных четверых у нас есть ещё несколько вариантов, — распорядитель выложил на стол тонкие папки.

Си Цинхао помрачнел. Очевидно, это были эпизодические роли: шестой, седьмой план... почти без слов. Даже если их выберут, славы это не принесёт. Но таков был уровень его нынешней популярности. Сун Тин выбрал роль музыканта — седьмой мужской план. Си Цинхао схватил роль шестого плана — самую «высокую» из оставшихся. Дуань Хао небрежно вытянул сценарий молодого господина с одной репликой. Нин Чанцин последним взял оставшуюся папку — роль «смертника», который появляется в кадре лишь раз.

[Серьёзно? Я разочарована... Такие крошечные роли. Кроме Шицзэ и Юйцзин смотреть не на что]

[Ну а чего вы ждали? Они же не профессионалы. Просто пробуют формат]

[Жаль, такая внешность пропадёт... Но Нин-бао ведь никогда не учился играть]

[А я жду Шицзэ! Говорят, его герой — сумасшедший злодей! А ещё говорят, на эту роль претендует Кэ Юйцун!]

[Кэ Юйцун?! Ого, у него же номинация на лучшую роль второго плана! Шицзэ придётся попотеть]

[Да что там злодей... Говорят, главную роль играет Шао Ань!]

[Шао Ань? Тот самый, что наравне с Цзян Чао? Он же почти не снимается сейчас!]

Пока чат гудел от слухов, распорядитель вынес коробку со жребием:

— Здесь пятьдесят номерков. Тяните.

Шицзэ вытянул 13-й.

Цзи Юйцзин достался 7-й.

Си Цинхао вытащил 27-й.

Сун Тин — 34-й.

Дуань Хао — 35-й.

Остался только Нин Чанцин. Он опустил руку в коробку и достал последний листок. Камера медленно сфокусировалась на бумажке в его пальцах. Когда цифра стала видна, не только Чанцин, но и все зрители по ту сторону экрана замерли в изумлении.

<http://bllate.org/book/15353/1422668>